

Д-р философии Уте Зиберт
Bachstraße 7A
31535 Neustadt/Rbge

Психолог Виктор Эмиль Франкль в Восточной и Западной Германии Введение в учение Франкля

(В рамках программы поддержки, Беларусь, GrB 7009: Теория и практика супервизии)

Кто такой Виктор Франкль? Позвольте мне кратко представить его в маленьком биографическом очерке, в котором ему самому будет предоставлено слово в виде более пространных цитат.

I

Виктор Эмиль Франкль родился в 1905 г. в Вене в еврейской семье. Из его автобиографии (2002) становится ясно, насколько рано уже в мышлении ребенка подготавливается его позднее учение. Франкль вспоминает, как, засыпая однажды, будучи в возрасте около четырех лет, осознал, что должен будет умереть. И вскоре его стал занимать центральный вопрос, означает ли недолговечность жизни также сомнительность ее *смысла* (ср. Frankl 2002, с. 9).

Когда Франкль был школьником, так он пишет, один учитель спровоцировал его впервые открыто задать экзистенциальный вопрос о смысле жизни. Франкль рассказывает: этот учитель естествознания «ходил по классу взад ... и вперед и вещал: «Жизнь в конечном итоге есть не что иное, как процесс сгорания – окислительный процесс». На что я, не спросив разрешения, вскочил и страстно бросил ему вопрос в лицо: «Да? Какой тогда смысл имеет вся жизнь?»» (Frankl 1990, с. 17). Став взрослым, Франкль смог распознать в позиции своего учителя редуccionистский подход к жизни, широко распространенный и болезненный, – и особенно вредоносный, когда, например, учитель безответственным образом обескураживает им восприимчивых молодых людей, находящихся на жизненном этапе созревания.

Тем временем сам Франкль по-прежнему пребывает в поисках ответа, и уже в шестнадцать лет он начинает критически изучать современные разработки психологии и психотерапии того времени. Он предпринимает активную переписку с Зигмундом Фрейдом. Позже, – к тому времени он заканчивает изучать медицину, – встречается с Альфредом Адлером и некоторое время сотрудничает с ним. Он воспринимает манеру выступления Адлера за столиком завсегдатаев в кафе «Силлер» как «придворную», – великие умы ранних психотерапевтических школ, чьим учениям довелось получить такое большое влияние в западном мире, вовсе не были лишены тщеславия (Frankl 2002, с. 43). Молодой Виктор Франкль довольно быстро замечает, что в обеих первых венских психотерапевтических школах, психоанализе Зигмунда Фрейда, как и в индивидуальной психологии Альфреда Адлера, остается неучтенным важный элемент, а именно духовное, или ноэтическое измерение человеческой жизни («ноэтический» от греческого «nous», «дух»). В конце 20 – начале 30-х гг. XX в. Виктор Франкль начинает работать над своими трудами по психологии и психотерапии, – он озаглавливает свою теорию понятиями «экзистенциальный анализ» и «логотерапия». Что следует под этим

понимать, я еще буду более подробно говорить несколько позже, во второй части своего текста.

Франкль каждый раз находит подтверждение своим мыслям, замечая, что вопрос о смысле жизни играет исключительно важную роль в частной и профессиональной повседневной жизни людей, а также в пограничных ситуациях или при психических заболеваниях. Поэтому уже в конце 20-х он создает молодежные консультационные центры, где в первую очередь предлагается помощь безработным, переживающим в результате смысловой кризис. Идеей Франкля стало также создание консультаций для школьников на период получения аттестатов, чтобы уберечь отчаявшихся молодых людей, потерпевших неудачу в школе и потому усомнившихся в смысле собственной жизни, от самоубийства. После защиты в 1930 г. по медицине Франкль поступает на свое первое место в самой большой психиатрической клинике в Австрии «Ам Штайнхоф» в Вене. Он перерабатывает свой профессиональный опыт в статьях по специальности и планирует объемный научный труд. Но прежде чем он успевает его закончить, в жизнь Франкля и его профессиональную карьеру грубо вторгается национал-социалистический террор.

Франкль, открывший в 1937 г. свою психиатрическую и неврологическую практику, после вторжения гитлеровских войск в Австрию в марте 1938 г. испытывает угрозу как врач и ученый еврейского происхождения. Он планирует уехать в Америку и таким образом обезопасить себя и рукопись своего по сей день главного труда «Врачебная забота о душе». Наконец готовы документы на выезд, и Франкль мог бы отправляться в спасительное путешествие в США, однако он сомневается, сможет ли оставить своих старых родителей в Вене. Он получает, – так он это чувствует, – божественный знак, когда после ночи погрома мучительно ищет ответ: его отец приносит домой маленький кусочек мрамора из груды обломков, оставшихся от разрушенной синагоги. На вопрос Виктора он объясняет, что этот камень является частью свода законов. «Если тебе интересно, я могу тебе даже сказать, к *какой* из десяти заповедей относится древнееврейская буква, выдолбленная здесь». «Ну и?», – наседает на отца Виктор. На что тот отвечает: «Чти отца и мать своих...» (ср. Frankl 2002, с. 61 f).

В этот момент Виктор Франкль решает остаться в Вене. Ему доверено руководство неврологической станцией при госпитале Ротшильда, и благодаря этой позиции он может еще на некоторое время обезопасить себя и свою семью от национал-социалистов. Франкль женится на Тилли Гроссер, и молодожены должны носить желтую звезду. Ребенка, которого они ждут, им нельзя иметь, потому что существует приказ, согласно которому беременные еврейские женщины, – даже если они состоят в официальном браке, – тотчас должны отправляться в концлагерь. Тилли Франкль жертвует своим неродившимся ребенком, – Виктор Франкль посвятит позднее этому ребенку свою книгу «The Unheard Cry for Meaning» (ср. Frankl 2002, с. 66). В конечном итоге депортацию больше не удастся сдерживать. Виктор Эмиль Франкль следует через Терезиенштадт как «заключенный №119 104», его гонят из лагеря в лагерь, среди прочего он переносит и селекцию дурно знаменитого доктора Менгеле при въезде на вокзал Аушвица. Рукопись своей книги он зашил в пальто, но теперь он должен сдать его и узнает, что он и его товарищи по несчастью не могут оставить при себе ничего, абсолютно ничего из того немногочисленного, что они до сих пор сумели сохранить. «...Я подвел черту подо всей моей предыдущей жизнью», – говорит Франкль об этом ужасном заселении в Аушвиц (Frankl 1993, с. 32).

Виктор Франкль переживает все мучения, у него даже хватает сил применить свои знания медика и врачевателя душ для других заключенных. Он дает утешение своим товарищам и старается укрепить в них волю к выживанию, в благодарность за это заключенные достают ему бумагу, часто лишь маленькие клочки, карандаши – большая ценность в лагере. Так Франкль может реконструировать свой утерянный манускрипт и тайно хранить его. Но и он иногда впадает в фазу уныния и отчаяния, когда физическая боль и безысходность бытия в лагере грозят лишить всякой надежды. Отвращение к самому себе переполняет его, поскольку он вынужден искать в лагерной повседневности возможные маленькие положительные моменты, которые смогли бы сделать выживание более вероятным. Здесь он испытывает на самом себе спасительное действие искусного приема, как из простого объекта мучителей снова стать субъектом. Франкль рассказывает о мучительном многокилометровом пути от лагеря до места работы сквозь ледяной холод и снег, на разбитых в кровь ногах, когда ситуацию, кажется, больше нельзя было выносить.

«Тут я воспользовался одним приемом: я вдруг увидел себя, стоящим в ярко освещенном, красивом и теплом большом конференц-зале за кафедрой, передо мной заинтересованно перешептывающаяся публика в уютных мягких креслах, – и я говорю; говорю и читаю доклад о психологии концентрационного лагеря! И все то, что меня так мучает и подавляет, все это объективируется, рассматривается и изображается с высокой сторожевой башни научности...

Этим способом мне как-то удалось поставить себя над ситуацией, над настоящим с его страданиями и увидеть его так, как будто оно уже прошлое, а я сам со всеми своими горестями являюсь объектом какого-то интересного научно-психологического исследования, которое я сам же и предпринимаю» (Frankl 1993, с. 120).

Полностью изможденный, измученный принудительными работами, голодом и сыпным тифом, Франкль переживает освобождение американскими войсками в 1945 г. в лагере недалеко от Дахау (Тюркхайм). Когда он возвращается домой, ему предстоит выдержать известие о крахе семьи. Его молодая жена Тилли, с которой он столько раз во время своего пребывания в концлагере вел молчаливый разговор, черпая из этого силы, – ее тоже не стало. Что значит в такой ситуации, в которой оказались и другие пережившие концентрационный лагерь и в которой снова и снова оказываются люди, перенесшие большие страдания, так что же значит в такой ситуации «спрашивать о смысле жизни»? Франкль написал знаменитую, очень волнующую книгу под названием «...и все-таки сказать жизни Да». В ней он описывает переживания в концентрационном лагере с точки зрения психолога и делает вывод, что нам необходимо совершить «коперниканский переворот» в вопросе о смысле жизни, предпринять полную переориентацию. Вместо того чтобы спрашивать, какой смысл заключает в себе для нас жизнь, Франкль призывает:

(Пусть Франкль сам заявит о себе в следующей пространной цитате:)

«Что здесь необходимо, так это предпринять поворот во всей постановке вопроса о смысле жизни: мы должны учиться сами и помогать отчаявшимся людям научиться осознавать, что, собственно, *речь никогда не идет о том, чего нам еще ждать от жизни, скорее, исключительно о том, чего еще жизнь от нас ждет!* ... философским языком можно было бы сказать, что здесь идет речь о своего рода коперниканском перевороте, а именно о том, что мы больше не спрашиваем просто о смысле жизни, но сами ощущаем себя вопрошаемыми, теми, кому жизнь ежедневно и ежечасно ставит вопросы, – вопросы, на которые мы должны дать правильный ответ, и не посредством размышлений или говорения, а посредством действий, правильных поступков. Жизнь в конечном итоге

означает не что иное, как несение ответственности за правильный ответ на жизненные вопросы, за выполнение задач, которые жизнь ставит каждому, за принятие вызова.

Этот вызов, а вместе с ним и смысл бытия, изменяется от человека к человеку и от мгновения к мгновению. Таким образом, смысл человеческой жизни никогда не может быть задан в целом, на вопрос об этом смысле никогда нельзя ответить в общем, – жизнь, как она здесь понимается, не есть нечто неопределенное, но каждый раз нечто конкретное, также и требования жизни к нам всегда совершенно конкретные. Эту конкретность несет с собой судьба человека, которая у каждого единична и уникальна. Ни одного человека, ни одну судьбу нельзя сравнить с другой; никакая ситуация не повторяется. И в каждой ситуации человек призван вести себя по-другому. То ситуация требует от него, чтобы он действовал, то есть пытался активно формировать свою жизнь, то снова воспользовался случаем, чтобы с чувством и толком, практически с наслаждением реализовать ценные возможности, то опять требуется смиренно взять на себя свою судьбу. Но каждый раз ситуация носит характер единичности и уникальности, требуя соответственно единственного, именно правильного ответа на вопрос, содержащийся в конкретной ситуации.

Коль скоро именно конкретная судьба человека приносит ему страдания, он должен увидеть в этих страданиях некую задачу, а именно совершенно уникальную задачу. Вопреки этим страданиям человек должен пробиться к осознанию того, что он единичен и уникален со своей полной страданий судьбой, так сказать, в целом универсуме. Никто не может у него эту судьбу отнять, никто не может за него это выстрадать. Но в том, как он сам, затронутый этой судьбой, несет эти страдания, заключается уникальная возможность единственного в своем роде достижения.

Для нас в концентрационном лагере все это менее всего напоминало чуждые жизни спекуляции. Для нас подобные мысли были единственным, что нам еще могло помочь! Потому что именно эти мысли не позволяли нам впасть в отчаяние тогда, когда мы больше не видели шансов остаться в живых. Ведь для нас уже давно не шла речь о вопросе о смысле жизни, как он часто наивно ставится, когда не подразумевается ничего, кроме осуществления некой цели посредством творческих усилий. Для нас речь шла о смысле жизни как некой тотальности, включающей также смерть и таким образом обеспечивающей не только смысл 'жития', но и смысл страдания и умирания: за этот смысл мы боролись» (Frankl 1993, с. 124 f).

Виктор Франкль после войны становится профессором неврологии и психиатрии в венском университете. Много лет он возглавлял Венскую неврологическую поликлинику и был президентом Австрийского общества врачей-психотерапевтов, – он занимал также должность профессора за границей, получил признание особенно в Америке, учение Виктора Франкля как «третья венская школа» психологии и психотерапии ставилось в ряд с работой Зигмунда Фрейда и Альфреда Адлера. В немецкоязычном пространстве и, в особенности, в Германии Франкль долго оставался без внимания, – но и здесь по достоинству были оценены его достижения. Среди прочего на всемирном конгрессе «Эволюция психотерапии» в 1994 г. в Гамбурге его выступление было встречено бурными овациями со стороны многих присутствовавших знаменитых психологов и тысяч участников конгресса.

Виктор Франкль испытал также и личное счастье после Второй мировой войны. Он создал семью со своей второй женой Элеонорой, которая сопровождала его и поддерживала в работе вплоть до его смерти в 1997 г. в возрасте 92 лет. Теперь она, как и их дочь, ее муж, внук и внучка занимаются наследием Виктора Франкля.

На этом заканчивается мой краткий обзор жизни Виктора Франкля, в которой я кроме чисто биографических сведений хотела дать понять, насколько тесно личная судьба Франкля переплетена с развитием его учения – в последующем изложении этого учения

можно будет увидеть определенные моменты. Сам Франкль и те, кто писал о нем, понимают дело так, что трудное время в лагерях национал-социалистов было своеобразным испытанием огнем разработанных прежде теорий. Но если кто-то считает, что эти страдания сделали из Франкля скептика или пессимиста, он получит возможность при самом минимальном столкновении с Франклем и его учением научиться чему-то лучшему. Это был добродушный, полный юмора человек, ходячий каламбур, по-хорошему ироничный, в том числе по отношению к самому себе. Сам Франкль считал, что его психиатрический дар неотделим от дара карикатуры (рис. 2). По поводу обеих своих ролей, карикатуриста и психотерапевта, Франкль говорит:

«Как карикатурист и как психиатр я в первую очередь воспринимаю слабые стороны человека. Разве что как психиатр или, по крайней мере, психотерапевт я стараюсь сквозь (фактические) слабости интуитивно увидеть (факультативные) возможности преодоления слабостей и несмотря на плачевность ситуации все-таки найти возможность вырвать у ситуации какой-то смысл и таким образом *превратить кажущееся бессмысленным страдание в настоящее человеческое достижение*. В общем, я уверен в том, что не бывает ситуации, не заключающей в себе хоть какой-нибудь смысловой возможности» (Frankl 1995, с. 32).

Этого воззрения Франкль твердо придерживался до самого конца своей жизни.

В дальнейшем я хотела бы в основных чертах попытаться представить учение Франкля об экзистенциальном анализе и логотерапии. После этого я хочу вкратце остановиться на том, как Франкль отграничивает свои взгляды от господствующего во многих западных странах концепта психоанализа Зигмунда Фрейда, и затем противопоставить восприятие учения Франкля в Западной Германии (старых федеральных землях) и Восточной Германии (молодых федеральных землях).

II

Я перехожу ко второй части, изложению учения Франкля в основных чертах. Оно должно неизбежно остаться неполным. Я также откажусь от затрагивания специальных терапевтических вопросов и методов лечения, которые были бы интересны медикам и людям терапевтических специальностей. Сам Франкль и его ученица Элизабет Лукас всегда подчеркивали, что экзистенциальный анализ и логотерапия могут использоваться не только в случае заболевания, но что мыслительное богатство может оказаться действенным как раз для предупреждения заболеваний и кризисов во всех возможных жизненных контекстах, особенно в образовательных и воспитательных процессах.

Что имеет в виду Франкль под обоими понятиями, которыми он озаглавил свое учение, – что означает для него *экзистенциальный анализ*, и как следует понимать *логотерапию*? Чисто с точки зрения слова «экзистенциальный анализ» понятнее, чем «логотерапия», – сразу думаешь о некоем исследовании человеческой экзистенции или экзистенциальных условий человеческого существования. «Логотерапия» содержит две части, «логос» и «терапия», и может быть объяснена, если подробнее рассмотреть употребление понятия логоса.

С точки зрения этимологии «логос» со времен Гераклита является основным словом западноевропейской философии и имеет большое пространство значений, постоянно изменяющееся вплоть до нового времени. Из изначального значения «рассказ», «подсчет», «вычисление» выросли переносные значения «размышление», «условие»,

«основание», «смысл». При употреблении понятия постоянно слышится бытие, определенное через язык, дух или число. На понимании способности человека к слову, речи, его способности распознавать и постигать смысл базируется более позднее значение «логоса» как «рассудка», «разума». В современной критической философии «логос» понимается в смысле античного философа Сократа, это значит, что всякое утверждение должно проверяться на предмет «обоснования его истинности»; мы должны критически проверять, какими *основаниями* мы руководствовались в наших поступках, и должны отдавать себе отчет в том, выдерживают ли эти основания одновременно рациональную и моральную проверку. Таким способом мы приходим к ценностным представлениям, которыми можем руководствоваться в разумной и ответственной жизни (Nelson 1975, с. 197; ср. Nelson 1975, с. 220 и Nelson 1970 ff/IV, с. 28 f).

В этих предварительных рассуждениях становится ясной точка пересечения критической философии и учения Франкля. В контексте экзистенциального анализа и логотерапии «логос» употребляется синонимично со «смыслом»; и «лого»терапия описывается как метод выявления ответственности в качестве основания, «сущностного основания» человеческой экзистенции. Через нас самих мы приходим к «несущему основанию» (ср. Böschemeyer 1988, с. 28; Frankl 1992, с. 56; Lukas 1994, с. 160). В качестве несущего основания действуют также ценности, отсылающие за пределы отдельного человека.

Сам Франкль проводит границу между экзистенциальным анализом и логотерапией, обоими разделами своего учения, следующим образом: «Логотерапия и экзистенциальный анализ являются сторонами одной и той же теории. А именно, логотерапия представляет собой психотерапевтический метод, в то время как экзистенциальный анализ является антропологическим направлением исследования»(Frankl 1994 b, с. 57 f). Новейшие исследования, детальный разбор трудов Франкля и развитие его учения показали, что обе области нельзя строго разделить, и самого Франкля они разделены не были. Виктор Франкль, скорее, пытается в своей практике охватить человека всего человека в комплексе и вложить самого себя, всю свою личность как терапевт или консультант для ищущего совета. Ему всегда было чуждо рассматривать своих клиентов просто как объекты применения определенных терапевтических техник. Скорее, имело место постоянное взаимовлияние между, с одной стороны, его попытками *теоретически* схватить экзистенциальные условия человеческого существования и, с другой стороны, практическим *действием* при встрече с ищущим совета или психически больным человеком. Наверное, можно говорить о «теоретической сущности», в центре которой находится ценностная оценка духовных способностей человека, и которая пронизывает обе сферы учения Виктора Франкля, экзистенциальный анализ и логотерапию.

Франкль подчеркивал *личностный* характер человека. В десяти тезисах он выразил то, что он понимает под «личностью», ниже они кратко изложены:

- 1) Личность есть индивидуум, она неделима, ее нельзя расщепить, поскольку она есть единство.
- 2) Личность есть не только ин-дивидуум, она не только неделима, но и не сплавляема. Так как личность есть не только единство, но и целостность. Как таковой цельный человек не возводится в высшие порядки, как то в массы, принадлежность к классу, расе и т. п.

- 3) Каждая отдельная личность есть абсолютный новум, новое явление.
 - 4) Каждая личность духовна. В ее духовном измерении личность неуничтожима, даже в болезни и слабости духовная личность продолжает существовать (первое психиатрическое кредо).
 - 5) Личность экзистенциальна, то есть личность принадлежит не только миру фактов, но человек является факультативным существом, это значит, что он существует как своя собственная возможность решения в пользу того или другого. Поэтому он *свободен* от простого бытия влекомым, но он не просто свободен от чего-то, он свободен для чего-то, а именно для ответственного принятия решений. Вместе с философом Карлом Ясперсом Франкль говорит: человек – это бытие, принимающее решения.
 - 6) Личность имеет свое Я, но не Оно; она не находится под диктатом Оно, – диктатурой, которую имел в виду Фрейд, когда утверждал, что Я не является господином в собственном доме.
 - 7) Личность есть не только единство и целостность, но она образует также телесно-душевно-духовное единство, – например, логотерапевт или просто терапевт призывает и мотивирует человека, которого он консультирует, к активизации его духовных сил (второе психиатрическое кредо).
 - 8) Личность динамична в результате того, что способна дистанцироваться от психофизики (сферы телесности и состояния, см. ниже измерения человеческого существования) и противопоставить ей духовные силы.
 - 9) Человек как личность может, в отличие от животного, интуитивно направляться к смыслу, который не может постичь рационально.
 - 10) Личность постигает саму себя, трансцендируя: слово «личность», «персона» связано с глаголом „per-sonare“, «проникать» (о звуке). Человек как личность проникнут зовом трансцендентности. Он слышит этот зов как голос совести.
- (Ср. по этим десяти тезисам о личности: Frankl 1991, с. 108 ff)

**В какую картину мира и человека укладывается франклевская личность?
Какое практическое действие имеет эта картина мира и человека?**

Сначала о картине мира и человека в экзистенциальном анализе и логотерапии.

Она стоит на трех столпах:

- 1) Основополагающее антропологическое допущение в учении Франкля звучит так: *человек обладает свободной волей*. Хотя в результате болезни, незрелости или старческой немощи она может быть ограничена, но как минимум потенциально она дана каждому человеку. Здесь открывается *не-детерминистская* антропологическая позиция, которая признает за отдельным человеком способность к осознанному принятию решений. Из этого следует требование взятия на себя ответственности в жизни.
- 2) Франкль исходит из того, что каждый человек обладает *волей к смыслу*. В каждом из нас соответственно заключено стремление и жажда смысла и реализации смысла. И мы находим в жизни, в каждой отдельной жизненной ситуации предлагаемый смысл, который мы можем подхватить. Воля к смыслу является сущностным элементом экзистенциально-аналитической и логотерапевтической концепции мотивации. Все образовательно-практические и воспитательно-практические, а также терапевтические подходы на базе

экзистенциального анализа и логотерапии являются центрированными на смысле (ср. в том числе: Frankl 1992, с. 290).

- 3) В качестве основной философской посылки к учению Франкля относится также, что жизнь имеет смысл, который она ни при каких обстоятельствах не может потерять. Это допущение справедливо также и для любого рода страдания. В этом Франкль предельно позитивен и оптимистичен. Однако «последний смысл», как его называет Франкль, может ускользать от человеческого понимания. Здесь затрагивается религиозное измерение человеческого существования, хотя и не в смысле конфессиональной принадлежности. Франкль, скорее, согласен с физиком Альбертом Эйнштейном, который сказал: «Быть религиозным означает, что человек нашел ответ на вопрос: в чем смысл жизни?» Однако Франкль недвусмысленно поясняет, что терапевт (или консультант/воспитатель) не должен переносить свои религиозные убеждения на клиента (Frankl 1994 а, с. 98, 99; ср. там же, с. 60).

Первый столп, допущение свободы воли, держится на аксиоме, недоказанном и недоказуемом положении. Третий столп, выражение неограниченной осмысленности жизни, является с философской точки зрения постулатом и, значит, также не может быть доказан. Иначе обстоит дело, согласно Виктору Франклю, со вторым столпом: воля человека к постижению смысла в его жизни и поиску осуществления этого смысла эмпирически может быть доказана, – и, между прочим, многочисленные эмпирические исследования подтвердили этот факт, часто в негативной форме как фрустрацию на основании ощущения потери смысла.

Виктор Франкль разработал свою картину человека на фоне *двумерной онтологии*. Он называет три измерения человеческого бытия: соматическое, психическое и духовное.

Речь идет не о слоистой модели, три измерения проникают друг в друга, как пространственные измерения длины, ширины, высоты. Соматический уровень охватывает все телесные феномены (органические клеточные процессы, биологически-физиологические функции тела включая химические и физические процессы); к психическому уровню относятся состояние, настроение, чувства (влечения), инстинкты, желания, аффекты; в концепции экзистенциального анализа и логотерапии, как, например, у Элизабет Лукас, к психическому измерению причисляются также интеллектуальные способности человека, выработанные им модели поведения и социальный отпечаток, то есть когниции и эмоции (ср. Lukas 1998, с. 20). К духовному измерению относятся самостоятельные, *интенциональные* (осознанные) волевые решения, специальный и художественный интерес, творчество, религиозность и моральное чувство (совесть), понятие о ценностях и любовь, – вместе с тем также способность к свободной оценке телесности и состояний (психофизики).

В течение всей своей продолжительной жизни Франкль наблюдает в различных социальных условиях, насколько болезнетворным может быть окружение, не позволяющее человеку обнаружить некий смысл жизни. И он ставит этот диагноз не только для экстремальных условий военного времени, времени между войн или послевоенного периода, – как раз в экономически более благополучные времена ему бросается в глаза, что символом современных индустриальных обществ является дефицит смысла у бесконечного множества людей. Жалуются на внутреннюю пустоту (смысловую *пустоту (Leere)*, которой можно противопоставить *учение (Lehre)* о

смысле), экзистенциальную фрустрацию или, как Франкль это еще называет, экзистенциальный вакуум. Под понятием «патология духа времени» Франкль понимает 4 проблематичные жизненные позиции:

- Позиция временности существования
- Фаталистическая жизненная установка
- Коллективистское мышление
- Фанатизм

По Франклю, эти жизненные позиции выливаются в различные формы коллективных неврозов: позиция временности существования, как кажется, дает индивидууму право, не задумываясь, жить сегодняшним днем, получать удовольствие по принципу: после меня хоть потоп; следующим коллективным неврозом является фатализм, склоняющий к установке на то, что все равно ничего не изменишь, и, следовательно, к пассивности; коллективизм приводит людей к тому, чтобы не подниматься из общества себе подобных, а тонуть в массе; четвертый коллективный невроз, фанатизм, помимо нетерпимости и фундаментализма, приводит ко многим другим деструктивным способам поведения.

В сочетании с проблематичными личными позициями индивидуумы и сообщества развиваются таким образом, что люди ускользают от ответственности. Но в экзистенциально-аналитическом и логотерапевтическом смысле это означает быть больным. Ведь здоров тот, кто на основании принципиальной позиции ориентации на ценности, свободы и ответственности может услышать воззвание смысла и осуществить его, даже в ситуации страдания. Болен тот, кто настолько ограничен в восприятии себя и других и в оценке собственных переживаний, что неспособен на свободную и ответственную реакцию на смысловые воззвания жизни вместе с заключенной в ней необходимостью страданий.

Как обращаться с индивидуальными ограничениями или индивидуальным нездоровьем, с больным духом времени? Иначе говоря: сделать экзистенциальный анализ и логотерапию действенными?

От терапевта или воспитателя в первую очередь требуется, чтобы он разделял психотерапевтическое кредо (лат. «credo», «я полагаю») об обязательном наличии смысла жизни и чтобы он сам в терапевтических или педагогических контекстах и относящихся к ним процессах действовал в рамках этой витальности смысла. Для психотерапевтического лечения в узком смысле существуют также некоторые специфические логотерапевтические методы или техники, которых я здесь могу лишь вскользь коснуться. В целом справедливо, что экзистенциальный анализ или логотерапия являются методически открытыми (нет никакого заранее предустановленного распределения ролей, как, например, в классическом психоанализе со свободно ассоциирующим клиентом и молчащим терапевтом), – здесь разрешается все, что могло бы клиенту помочь продвинуться вперед в процессе поиска смысла. В дальнейшем я хотела бы наметить некоторые пути, которыми мог бы следовать сопровождающий/консультант/терапевт/инструктор/начальник, работающий по экзистенциально-аналитической и логотерапевтической методике с доверившимися ему людьми:

- 1) **Эвокативный путь:** человек должен вообще впервые осознать себя как смыслоориентированное существо или вспомнить в себе это качество или вызвать его в себе с помощью другого. Сопровождающий пытается разбудить в оппоненте сознание для «само-трансценденции» экзистенции, под чем Виктор Франкль понимает, что всякое человеческое существо всегда уже стремится за пределы себя, всегда отсылая к чему-то, чем само не является, к кому-то или чему-то другому (ср. Frankl 1994 а, с. 83). Среди прочего здесь используется и метод дерефлексии, стратегия, которая препятствует центрированию отдельного человека на самом себе (Riedel и др., с. 166 ff). Человек призывается также к *самодистанцированию*, ведь он способен отвлечься от самого себя, Виктор Франкль испытал это на самом себе в экстремальных условиях, – мне вспоминается его опыт во время пребывания в концлагере, когда он смог выдержать мучительный переход, благодаря тому, что сумел занять дистанцию к моментальной ситуации и почерпнуть силы из видения будущего.
- 2) **Апеллятивный путь:** человеку необходимо помочь осознать свою ответственность за осуществление смысла. Как уже прозвучала в цитате Франкля, мы не должны пассивно ждать от жизни исполнения смысла, но жизнь взывает к нам, направляет нас смысловые воззвания, на которые мы должны дать ответ. С такой точки зрения смысл оказывается привязанным к личности и ситуации, единственным и уникальным в каждой ситуации и применительно к каждой личности. От соскальзывания в релятивистское безразличие в наших ответах нас предохраняет ценностная ориентация. Франкль различает три ценностных категории: **творческие ценности**, **ценности переживания** и **установочные ценности**. *Творческие ценности* – это те ценности, которые могут воплотиться в работе или творческой деятельности, – успех или неуспех определяют здесь степень удовлетворения. *Ценности переживания* мы реализуем в восприятии мира, например, в увлеченности красотой природы, захваченности произведением искусства или в наслаждении удачной любовной связи, – здесь человек зависит от подаренной ему возможности переживания (даже если он сам многое в это вложил). Реализовать *установочные ценности*, напротив, возможно независимо от всех прочих внешних условий, пока у нас есть сознание. В то время как вызванное человеком и при этом не неизбежное страдание может и должно провоцировать на активную борьбу, неизбежное страдание требует от человека такого его принятия, чтобы из этого получился результат. Все люди когда-нибудь сталкиваются с неизбежным страданием, виной или опытом смерти. Страдание, вина и смерть, трагическая триада, как называет это Франкль, содержит в себе возможность достижения наивысшего совершенства через преодоление возложенных испытаний. Одно часто используемое высказывание Франкля звучит так: «Страдание делает человека ясновидящим, а мир – прозрачным». Если человек усугубляет свое неизбежное страдание усиливающими конфликт установками, и экзистенциально-аналитически и логотерапевтически работающий консультант может ему помочь так изменить эти установки, чтобы боль было легче переносить, тогда говорят об *установочной модуляции*. Установочные модуляции имеют смысл не только в случаях тяжелых, судьбоносных страданий, но и при других жизненных проблемах, – когда, например, необходимо преодолеть зависимость, – полезно поработать над модуляцией установок: к примеру, можно побудить запойного алкоголика подумать над стоящими задачами, для выполнения которых он снова будет иметь силы, если откажется от алкоголя. Логотерапия часто очень успешна в аналогичных контекстах – когда она помогает человеку открыть новый взгляд

на некоторое «для чего» (Frankl 1992, с. 90 f: «Кто имеет некое «для чего» в своей жизни, тот в состоянии перенести любое «как»»).

- 3) **Эвристический путь** (эвристика – учение о планомерном достижении знания): человеку необходимо помочь все лучше и лучше искать и отыскивать для себя смысловые возможности. Речь идет о заострении совести, которую Франкль определяет как «орган смысла», как интуитивную способность предчувствовать единичный и уникальный смысл, скрытый в каждой ситуации. Практически этого можно достичь посредством соответствующего вопрошания, когда, например, ищущий помощи человек зажат в рамках двоичного мышления «или» – «или», – здесь возможно помочь ищущему человеку посредством нацеленного вопрошания о требованиях ситуации или возможных пожеланиях другого участвующего лица открыть альтернативные способы поведения.
- 4) **Развивать силы для воплощения открытых смысловых возможностей в конкретной жизни:** под этим, к примеру, понимается, что отдельный человек пользуется своей свободой принятия решений и, прежде всего, что он также чувствует себя связанным своими решениями, что он готов действительно платить по счетам, которые выставляет ему приятное решение. Один пример из повседневной жизни может пояснить, что это значит: некая женщина решила сохранить работу, хотя обеспеченный муж мог бы предложить ей беззаботную жизнь без необходимости работать. Это означает также последовательно реализовывать свое решение, то есть безропотно и пунктуально вставать утром и воспринимать все рабочие обязанности как долг. Она осталась бы «должна» за свое решение, если бы часто отсутствовала на работе, поскольку, собственно говоря, не имеет необходимости работать. То есть требуется также *сила воли*, ее воспитание и *преодоление слабоволия* является одной из заявленных целей школы Франкля. Следует также брать ответственность за *правильное обращение с ценностями*, с которыми мы соотносимся в наших поступках. Так, мы должны ориентироваться на параллельно ранжированные ценности в противоположность пирамидальному ранжированию, где выше расположенная ценность, на которой все держится, способствует позиции «все-или-ничего», которая быстро может привести к крушению жизненной концепции. (Здесь, правда, речь идет о личностных ценностных установках, – не имеется в виду, что ведущая ценность ответственности может быть поставлена под вопрос и просто стать одной из многих ценностей.)

III

Я перехожу к третьей части моих рассуждений:

Учение Виктора Франкля в его отношении к глубинной психологии

и

Восприятие мыслительных и терапевтических подходов Франкля в Западной и Восточной Германии

A

Свое собственное понимание психологии Виктор Франкль называл также «психологией высот» (Frankl 1994 a, с. 83 f), поскольку вместо того чтобы вглядываться исключительно в *глубины души*, в своей концепции Франкль ориентирует взор на *вершины духа*. Франкль никогда не переставал выказывать уважение к Фрейд и Адлеру за заложенные ими основания психотерапии: «Психология высот ни в коем случае не является заменой для глубинной психологии, она, скорее, остается неким дополнением...», – так звучит это у Франкля (Frankl 1994 a, с. 84). Однако, далее по

Франклю, «психология высот» есть «обязательное (то есть неустраняемое) дополнение, а именно поскольку она тематизирует характерную для человека в такой большой степени *потребность в смысле*, – это, если угодно, самая человеческая из всех человеческих потребностей, и она может быть противопоставлена как таковая психоаналитическим и индивидуально-психологическим теориям мотивации как «воля к смыслу»» (Frankl 1994 а, с. 84). Франкль в буквальном смысле слова *противопоставляет* свою ведущую категорию, волю к смыслу (см. выше, второй столп в картине мира логотерапии/эмпирически доказуемая воля к смыслу), представлениям Фрейда и Адлера: центральная категория Фрейда – это «воля к наслаждению», а у Адлера это категория «воли к превосходству» (или власти). Франкль не рассматривает эти виды мотивации как равнозначные, воля к смыслу преодолевает стремление к удовольствию и власти. В этом Франкль решительно отграничивается от обоих своих учителей. Он даже упрекает их в нарушении научных правил, поскольку они в своем мышлении засвидетельствовали исключительно физическое и психическое измерение, а измерение духовного оставили без внимания. Они опирались только на психофизику и не продумали, что специфическая человеческая компетенция как раз и состоит в том, чтобы на основании духовного измерения суметь занять дистанцию по отношению к психофизике, свободно оценивать свои состояния. Однако, – и в этом заключается недобросовестность и элемент ненаучности, – в глубинно-психологических школах позволялось судить о духовных достижениях человека только на основании его физических состояний. Франкль отвергает это, он говорит: «Недозволительно ... на основании того обстоятельства, что некий художник создал свое творение в болезненном душевном состоянии, скажем, в психотической жизненной фазе, судить о художественной ценности этого произведения или ее отсутствии. ... Кто судит подобным образом, напоминает человека, который, увидев аиста, в изумлении замечает: «Но я же думал, что аистов нет». Только потому, что образ аиста используется в известной глупой поговорке, поэтому этой птицы не должно существовать?» Франкль, напротив, требует: «Автономия всего духовного никогда не должна игнорироваться» (обе цитаты: Frankl 1992, с. 38).

Виктор Франкль признает, что в начале своих научных занятий психологией разделял подобное мышление, которое я только что попыталась обозначить (подмену категорий). Но довольно скоро он осознал, что взгляды как Фрейда, так и Адлера были ограниченными, поскольку они в своих выводах исходили из опыта с больными людьми. Франкль называет подобное некритическое отношение, возникающее из такой установки, «патологизмом» (когда мысль о больном стоит в центре), из него следует психологизм, который настраивает видение на «пограничную область, простирающуюся между психотерапией и философией», на «смысл и ценностную проблематику психотерапии». Патологизм и психологизм, согласно Франклю, являются аспектами всеохватывающего и постоянно вновь возникающего феномена, редукционизма (ср. Frankl 2002, с. 39 f). Трезво и опережая свое время, Франкль распознает опасности подобного редукционистского, ограниченного мышления и пишет, еще будучи 22-летним студентом, книгу соответствующего содержания. Основатель психосоматической медицины Освальд Шварц пишет в предисловии к книге Франкля, что она имеет для истории психотерапии такое же значение, как «Критика чистого разума» Канта для философии. Но тогдашние уважаемые фигуры не обладали достаточным великодушием, чтобы допустить критику, – книге Франкля не суждено было увидеть свет, Освальд Шварц добровольно вышел из объединения индивидуальной психологии, Виктора Франкля исключили из него несколько позже.

Франкль выносит свое суждение относительно процессов и картины человека, лежащей в основании господствовавших тогда и отчасти сегодня психотерапевтических школ: «Редукционизм – это во всяком случае сегодняшний нигилизм. Он редуцирует человека ни много ни мало на целое измерение, при этом именно человеческое измерение. Он проецирует специфически гуманное из пространства человеческого на не гуманную плоскость. Одним словом, редукционизм – это субгуманизм...» (Frankl 2002, с. 40). Франкль никогда не переставал предостерегать от редукционизма, раскрывая глаза на то, что еще школьником бросил своему учителю естествознания как упрек, а именно что предательская формула «не что иное, как» (см. выше, с. 1) многих из тех ученых, которые считают себя такими объективными, избличает в псевдонаучном редукционизме. Франкль: «...*Опасность состоит вовсе не в том, что исследователи специализируются, а в том, что специалисты генерализируются.* ... Как невролог я считаю, что совершенно легитимно рассматривать компьютер, скажем, в качестве модели центральной нервной системы. Ошибка заключается лишь в утверждении, что человек есть не что иное, как компьютер. Человек есть компьютер. Но одновременно он нечто несоизмеримо большее, чем компьютер. Нигилизм не разоблачает себя тем, что говорит о ничто, но маскируется, употребляя «не что иное, как»» (Frankl 1992, с. 41).

В

Так же как Франкль видел достаточно оснований по достоинству ценить заслуги Фрейда и Адлера, здесь тоже следует подчеркнуть, что несмотря на все слабые стороны (особенно что касается абсолютизации динамики влечения с механическим пониманием «душевного аппарата») фрейдовские достижения заслуживают восхищения. Вольфганг Греслер говорит по этому поводу: «Для Фрейда принципиальным источником невроза является сексуальность. Подобное признание в то чопорное время и означало его величие... С честным взглядом он брал на себя ответственность за своих пациентов. Это были душевнобольные дети своего времени». И в учении Адлера можно подчеркнуть, что он рассматривал людей как социальных существ и вводил в обсуждение соответственные аспекты (ср. Gäßler в: Gall/Gäßler 2001, с. 16 ff).

Плохо то, что несмотря на все очевидные слабые стороны психоанализа со всеми его эпигонскими искажениями он все еще доминирует в западных странах. Да, может сложиться впечатление, что в государственных врачебных кабинетах и в рамках персонального консультирования в различных учреждениях он только сейчас и находит широкое распространение. Однако становится все более ясным, что механистическое представление о «душевном аппарате» для нейтрализации «множества раздражителей» не справляется с комплексом душевных переживаний в человеке. В научных дискуссиях слышится все отчетливее, что абсолютизация динамики влечения у Фрейда означает в конечном итоге редукцию картины человека к первым нескольким годам жизни дошкольника. В популярно-психологических изложениях или даже в искусстве (например, в фильмах и театральных постановках, где не обходится без банальных сексуальных сцен), напротив, все еще подают дело так, будто и сегодня еще необходимы провокации, чтобы добиться сексуального освобождения. При этом уже давно обозначилась другая проблема: сексуальная распущенность открывает в действительности некую зияющую пустоту, смысловую пустоту, которую огромное число людей в западных индустриально развитых странах беспомощно пытается заполнить все более экстремальными раздражителями.

Виктор Франкль честно разоблачает этот обман, в котором участвуют упрощенные психологии и относящиеся к ним формы терапии. Он пишет в своих воспоминаниях:

«Если спросить меня о последних причинах и глубочайших корнях, о самом потаенном основании моих мотивов создания логотерапии, я смогу назвать лишь одно, которое подвигло меня к этому и продолжает заставлять меня работать дальше: сострадание к жертвам современного цинизма, как он представлен в психотерапии, этой ничего не стоящей отрасли. Словом «отрасль» я хочу подчеркнуть момент коммерциализации, а слова «ничего не стоящая» относятся к научной нечистоплотности. Когда перед кем-то сидят люди, не только психически больные, но и пострадавшие от психотерапии, это рвет сердце. В действительности борьба с деперсонализирующими и дегуманизирующими тенденциями проходит красной нитью через всю мою работу» (Frankl 2002, с. 46).

Франкль на самом деле очень часто помогал в своей практике людям, обращавшимся к нему после своей одиссеи от одного терапевта к другому в поисках помощи. Вместе с нуждающимися в поддержке он отыскивал еще ощутимые здоровые и сильные стороны их личности, то, что еще оставалось невредимым и могло функционировать в тех условиях, от которых они испытывали страдания. Он усиливал здоровое в них таким образом, что многие его пациенты уже в скором времени могли самостоятельно стоять на ногах. Им часто внушалось прежде, что их психическая жизнь настолько многогранна, что они нуждаются в терапии, длящейся годами, и кажущийся авторитет терапевта погружал людей, перенесших кризис, в глубочайшую зависимость. Не только сам Франкль практиковал укрепление здоровой составляющей, – также и его ученики, и ученики его учеников действовали соответствующим образом, ставя наивысшей целью ориентированную на смысл, ответственную за самого себя жизнь обращающихся к ним людей.

В Германии как раз использовалась такая форма терапии или такая концепция консультирования. Ведь в Германии, как и в других местах, психоанализ в его упрощенных версиях сформировал инфантильную позицию целых поколений. Хотя сделанные более ста лет назад прозрения Фрейда, как уже говорилось, внесли свой вклад в то, что душевные заболевания людей того времени могли лучше распознаваться. Например, Фрейд консультировал одного высокоинтеллектуального юриста Даниеля Пауля Шребера (1842–1911), отец которого был не кем иным, как врачом и теоретиком воспитания Даниелем Готтлобом Морицем Шребером (1808–1861), нам сегодня известным как основатель «садов Шребера». После смерти своего пациента Даниеля Пауля Шребера Фрейд опубликовал работу по его случаю. Если внимательно проследить историю болезни, как это сделал британский психиатр Мортон Шацман в 70-х, то откроется не только бездна в индивидуальной связи отец-сын. Сами по себе последствия для Даниеля Пауля невероятно жестких методов воспитания его отца уже достаточно ужасны. Кроме того, ужасающим образом становится понятно, как микрокосм авторитарной семьи с постоянно внушающим страх отцом создает своего рода психический резервуар для макрокосма тоталитарного государства (ср. Schatzman 1974).

Для немецкого общества было очень важно учиться на работах подобных анализу Шацмана тому, к каким деформациям можно было прийти во время национал-социализма. Но просвещение выстрелило мимо цели, когда молодое поколение начало в 60-х не просто просветительно, но и весьма самоуверенно набрасываться на своих родителей. Бернхард Шлинк описывает эту атмосферу в своем романе «Чтец»: одна студенческая группировка видит себя авангардом просветителей, которые якобы хотят разделаться с прошлым, – в действительности эти молодые люди пользуются любой возможностью заклеить позором поколение своих отцов. При этом они могут быть

уверены, это говорит и мой собственный опыт студентки в 60-е, что найдут поддержку со стороны теории и практики господствующей психологической платформы.

В противовес этому учение Франкля предлагает психологический или психотерапевтический концепт, который обращается со своей категорией ответственности к взрослому человеку. Но было слишком соблазнительно на базе все более распространявшихся популярных вариаций психоанализа настойчиво винить родителей. А именно, вскоре это перестали быть обвинения только на почве исторически-политической осечки родителей, стало модным призывать к ответу родителей за каждую неудачу или промашку.

Таким образом, в Западной Германии существовала и существует большая потребность в наследии Франкля. Имелось очень немного «посвященных», которым Франкль был известен уже в 60 и 70-е гг. В 1982 г. заинтересованными врачами и их соратниками было создано «Немецкое общество логотерапии и экзистенциального анализа», теми, кто чувствовал себя обязанным идеалам Франкля. Но учение Франкля развивалось в индустриальных странах и *вместе* с ними. И здесь не обошлось без того, чтобы там и сям на логотерапевтическом и экзистенциально-аналитическом консультировании, на обучении этим методам зарабатывались большие деньги. В старых федеральных землях направления существуют параллельно: есть группировки в секторе образования, консультирования и терапии, где речь идет об успешном бизнесе. И коль скоро привлечение экзистенциального анализа и логотерапии обещает успех, то методы приспособляются к определенному содержанию, например, используются для повышения квалификации кадров в промышленности или в консультировании на предприятии и продаются там по самой высокой цене, пока рынок это допускает. Наряду с этим существуют идеалистичные приверженцы концепции Франкля, которые в рамках объединений вроде «Немецкое общество логотерапии и экзистенциального анализа», на конгрессах, в сфере образования, в деятельности священников и других подходящих местах совершенно или почти бескорыстно выступают за распространение учения Франкля.

С точки зрения специалистов, работающих по методике экзистенциального анализа и логотерапии на востоке Германии, то есть в новых федеральных землях, мы здесь несколько избалованы, – Галль и Геслер в своей книге подчеркивают, что мы на западе где-то с 1965 г. тратим много сил на выработку собственных «ценностей саморазвития личности» на основе требований и претензий к другим, – здесь будто бы имеют место:

- Блага идеалистической критики общества вроде эмансипации авторитетов, равноправия, равенства, демократии, автономии личности;
- Гедонистические блага вроде наслаждения, развлечения, разнообразия и полноты удовлетворения эмоциональных потребностей;
- Индивидуалистические блага вроде креативности, спонтанности, самореализации, свободы, независимости.

Если кое-что из перечисленного еще кажется по-настоящему положительным, то некоторые утверждения пугают: «На переднем плане стоит универсальное требование высокого материального стандарта» и «...одновременно девальвируется «уважение к ближнему»». Здесь Геслер цитирует новые демократические исследования, и в них не слышно, чтобы в западных странах учение Франкля об ответственной жизненной

позиции и организации жизни обильно усеяло благодатную почву (ср. Gall/Gäßler 2001, с. 47 f).

Мы можем почувствовать себя застигнутыми врасплох и спросить: а как живет людям в новых федеральных землях, какую роль играют там экзистенциальный анализ и логотерапия? Имеет ли тот облик, который Франкл придал психологии и психотерапии, что-то привлекательное, что могло бы быть особенно полезным для того общества? Могут ли общества, находящиеся в процессе трансформации, извлекать особенные преимущества из учения Франкла?

Из книги Галля и Геслера я узнала, что ее авторы, оба медики, точнее, невропатологи, уже в течение десятилетий работают на базе учения Франкла (Gall/Gäßler 2001, с. 27). Галль и Геслер установили, что после 1945 г. в ГДР делались попытки идеологизации психотерапии и постановки ее на службу государству, – хотя в целом эти попытки и были неудачными. Приблизительно с 1970 г. в ГДР развивались собственные подходы, – как в психотерапии, основанной на групповой динамике, – которые уже имели резонанс и не особенно пресекались государством. До политического поворота в 1989 г. успели развиться некоторые психотерапевтические и психосоматические сообщества, проводились семинары и конгрессы (ср. Gäßler в: Gall/Gäßler 2001, с. 21 f). Логотерапевтическое и экзистенциально-аналитическое мышление смогло таким образом получить распространение. Галль и Геслер, оба невропатологи с многолетним стажем, говорят о себе, что концепция Франкла служила им в течение уже 40 лет «...как базовая психотерапия в невропатологической практике. Другие психотерапевтические техники, более специализированного применения, легко к ней пристраиваются, получая благодаря наличию такой базы даже особый вес. Обе расхожие формы логотерапии, «парадоксальная интенция» и «деревфлексия», представляют последовательное единство. Это означает двухшаговую программу! При помощи «парадоксальной интенции» достигается и развивается «примирение с симптомом». С помощью «деревфлексии» открывается путь к преодолению основной экзистенциальной проблемы, а именно происходит «поворот от» собственного страдания и обновленный искренний «поворот к» собственному узкому и широкому окружению и в конечном итоге к миру. Терапия строится при каждой отдельной встрече по-новому, самобытно и индивидуально. Но определенные правила все-таки устанавливаются как бы сами собой» (ср. Gall в: Gall/Gäßler 2001, с. 27 f).

Имеется похожая оценка своей собственной практики Манфреда Шульца, который открыл для себя экзистенциальный анализ и логотерапию Франкла уже в 1970 г., работая ассистентом врача в одной психиатрической и неврологической клинике в восточной части Берлина, тогдашней столицы ГДР, обнаружив его книги в библиотеке клиники. Шульц называет теорию и практику Франкла «целостным терапевтическим концептом» и пишет следующее о своем собственном опыте столкновения с экзистенциально-аналитическим и логотерапевтическим подходом:

«Он особенно оправдал себя в моей последующей практике врача-невролога и психиатра на государственной службе, которой я руководил самостоятельно. У меня здесь не было начальников (и даже больничной кассы), которые могли бы делать мне концептуальные предписания. Я в определенной степени наслаждался парадоксальной свободой – даже здесь (то есть в ГДР. – *U. S.*) тогда это было возможно: специфическая свобода в силу *особенности* терапевтической ситуации на фоне *всеобщей* большой несвободы в общих социальных рамках. Надежда, которую я возлагал на логотерапию, не оказалась иллюзорной» (Schulz 2003, с. 25).

Сравнивая развитие психотерапии в ГДР и ФРГ до 1989 г., Вольфганг Геслер приходит к следующему выводу: «Хотя и не было такой выраженной психотерапевтической плюральности, как в Западной Германии, но предлагалось образование по специальности психотерапии. В Западной Германии психотерапевтически-психосоматические исследования могли беспрепятственно развиваться. ... Вместе с утверждением психосоматики появилось и многообразие всех мыслимых направлений» (Gall/Gäßler 2001, с. 22). Отрезвление слышится в суждении, которое Геслер выносит по поводу федеральной терапевтической сцены, после того как она стала доступной медикам из бывшего ГДР:

«Психоанализ, воспринявший американское влияние, все еще очень доминирует; однако, кажется, он понемногу отступает.

Мы смогли установить, что в 1920-х общая врачебная психотерапия находилась в процессе роста. В противоположность этому в нашем плюралистическом обществе развилось множество методов с их преимуществами, но и недостатками вроде разного рода странностей, произвола, конкурентного и коммерческого мышления, псевдоинтеллектуального и псевдонаучного налета; все они были, скорее, далеки от ответственности перед человеком и обществом» (Gall/Gäßler 2001, с. 22).

Галль и Геслер последовательно преследуют цель «поднять роль логотерапии и экзистенциального анализа для психотерапевтической ответственности современности» (Gall/Gäßler 2001, с. 23). Совместно с другими увлеченными врачами, терапевтами и педагогами в марте 1990 г. они основали «Общество логотерапии и экзистенциального анализа ГДР», сегодня это «Общество логотерапии и экзистенциального анализа – Восток» (GLE-Ost e. V.). В качестве основной цели общество формулирует следующее: «Общество ставит перед собой задачу распространения смыслоцентрированной психотерапии среди врачей всех направлений (желающих углубить работу с больными и нуждающимися в помощи), психологов всех областей, интересующихся педагогов, а также церковников, занимающихся благотворительной деятельностью» (Смысл и бытие. Газета Общество логотерапии и экзистенциального анализа ГДР/Выпуск 1/90, с. 14).

В первом выпуске газеты общества, сделанном по случаю его основания в 1990 г., Вольфганг Геслер пишет:

«С запада очень стремительно, практически валом потекли иные способы видения, поведения, иные установки. К подобным вещам привыкают по возможности быстро, – и, несмотря на внешне успешный «поворот», внутреннее преодоление еще готовит множество трудностей. Неуверенность и внутренняя пустота не пройдут сразу. Экзистенциальный анализ может покрыть эту проблематику и при этом спросить об опоре и жизненном смысле.

Нельзя недооценивать власть «материального». ... Получится так, что наибольшие испытания и соответствующие следствия будут приходиться на людей из ГДР, так как неисчислимы изменения вторгаются в личную сферу и различные сферы деятельности, короче говоря: во все жизненное пространство. С подобными страхами придется иметь дело.

Радость есть, и она нужна нам. Но упоение радостью, кажется, не относится к сегодняшним условиям. Дело касается духа, который сможет покончить с немецким разделением и довершить объединение. Эгоизм и страх не являются носителями свободы. Процесс обновления проникает вместе с нами, ответственными за него, в обе части

Германии, и политическая революция в ГДР должна перерасти в «экзистенциальную» переработку и преодоление.

Будущее открыто. Как далеко логотерапия и экзистенциальный анализ смогут проникнуть в вакуум, образовавшийся после крушения старой идеологии, и что они смогут этому противопоставить, это мы увидим» (Gäßler 1990, с. 11 f).

Спустя добрых 10 лет, наступило время оглянуться назад.

Общество GLE-Ost e. V. По-прежнему является самостоятельным и не превратилось во что-то вроде западногерманского GLE. Идеи слияния со стороны «Немецкого общества логотерапии и экзистенциального анализа» были хотя и дружественно, но определенно отклонены. Материальные рамки восточного общества скромнее, но это, как мне поведали его члены в одном разговоре, вполне приветствуется.

Хайнц Галль и Вольфганг Геслер в своей книге 2001 г. «Animal Sociale. Логотерапия и экзистенциальный анализ до и после поворота» подводят итог.

Основной тон все еще оптимистичен. Хотя внезапный «перелом», который принесли политические изменения 1989 г., переживается именно как «перелом» и потому болезненно. И раны ни в коем случае еще не зажили. Но мотивационная и терапевтическая концепция Франкля по-прежнему рассматривается как средство продвижения в решении проблем: «Как раз логотерапия и экзистенциальный анализ, возможно, предназначены для того, чтобы осмысленно поддерживать и стимулировать духовное столкновение с проблемами современности во всех областях медицины, философии и социологии» (Gall в: Gall/Gäßler 2001, с. 32). «Логотерапия и экзистенциальный анализ ... всегда принципиально подчеркивали вместе со свободой необходимость ответственного решения. Поэтому именно эта психотерапия призвана вмешаться в изменения духа времени динамичным и стабилизирующим ценностями образом». И далее: «Если речь ведется действительно о смене ценностей, а не о крушении ценностей, то необходимо неуверенности в оценках противопоставить ценностную ориентацию. Для этого нам нужна реалистичная картина человека, общие идеалы и соответствующее мужество. ... Логотерапия и экзистенциальный анализ, по Франклю, дают пример формирования реалистической картины человека» (Gäßler в: Gall/Gäßler 2001, с. 49, 50).

При лечении специфических проблем вроде возросшей после поворота алкогольной зависимости при помощи логотерапии или экзистенциального анализа также достигаются успехи:

«Они ... уже раньше вносили существенный вклад в эту проблематику, как в теоретическом, так и в практическом отношении. Твердая вера в «силу сопротивления духа» в каждом человеке является надежной путеводной нитью в длительной заботе о каждом пострадавшем с надеждой, что даже при неблагоприятных обстоятельствах изменения в поведении человека являются принципиально мыслимыми. ... Если человек, находящийся в кризисе, нацелен стать господином своих влечений и потребностей и режиссером своей собственной жизни, вместо того чтобы оставаться рабом «обстоятельств», чего доброго еще и с одобрения какой-нибудь целенаправленной терапии со стороны добрых друзей или профессиональных помощников. Есть много примеров тому из практики» (Gall в: Gall/Gäßler 2001, с. 164).

В рассуждениях Галля и Геслера говорит, однако же, не только эта последовательная, излучающая серьезность и надежность концентрация на оправдавшей себя теории и практике и надежда на будущее собственной области деятельности в новых федеральных землях. Заслуживает внимания, прежде всего, их острый взгляд на старые земли. Суждения относительно имевшей место ок. 1990 г. терапевтической сцены уже в то время были скептическими (Gall/Gäßler 2001, с. 22; см. приведенную выше соответствующую цитату).

Спустя 10 лет, наблюдатели из Восточной Германии замечают, что люди на западе еще далеко не переросли своей самовлюбленной заботы о «ценностях саморазвития личности», которую они начали в 60-е (см. выше). Становится видно, что в этом развитии (точнее, не-развитии) в ситуации кризиса ориентации и оценки ощущаются различные влияния:

«...преувеличенный рационализм как односторонняя переоценка разума, преувеличенный индивидуализм как односторонняя переоценка интересов индивида, а также гедонизм как односторонняя переоценка удовольствия, развлечения и наслаждения как высших благ. При этом едва ли спрашивалось об общих личностных идеалах, и слишком мало вспоминалось о границах свободы. Прежде всего, акцент делался на односторонних общественных идеалах, которые слишком мало уделяли внимания человеку лично: свобода, справедливость, равенство шансов, социальная стабильность, демократизация, участие в принятии решений, мир. Вокабулы вроде «эмансипация» или «саморазвитие личности» являются чистыми формализмами без стоящих за ними обязательств. Слишком мало сознавалось, что человеку нужны не только знания, но и внутренняя стабильность. ... Из-за преувеличенного подчеркивания интересов отдельного человека ослабела готовность объединяться в сообщества и признавать авторитетные требования. Идеалы и традиции были девальвированы. Свободная индивидуалистическая усреднительная мораль внесла свой вклад в ценностную неуверенность нашего времени. Под защитой заповеди толерантности люди охотно избегали критики собственного образа жизни и мышления. Слишком многие заботились только о собственном благосостоянии с как можно большим доходом, удовольствием и удобством. Этот поворот к эгоизму происходил одновременно с упадком подлинной религиозности. Человек расщеплен на завышенные требования свободы, с одной стороны, и необходимость подчинения и покорности влечению – с другой» (Gäßler в: Gall/Gäßler 2001, с. 49 f).

В этом зеркале наследие, привнесенное населением старых федеральных земель в новое составленный совместный канон ценностей, выглядит удивительно незрелым.

Согласно представлениям Геслера, люди на западе также недалеко продвинулись вперед в установлении новых жизнеспособных ценностей – после «толчка смены ценностей» в 60 и 70-х, который затем потерял в силе – и «никогда не приходил к определенному статусу» (Gall/Gäßler 2001, с. 52).

В противоположность этому люди в новых федеральных землях должны были преодолеть «двойную смену ценностей», и третья предстоит им совместно с их западными земляками: восточным гражданам пришлось сначала одолеть «первую смену ценностей», которую Геслер называет «деидеологизацией» – имеется в виду крушение в 1990 г. государственной идеологии ГДР, как и аналогичных идеологий во всем восточном блоке, потерявших свою «рамочную функцию» и свой «нимб». Для одной части людей рухнула позитивная опора, – для многих же других образ врага, и даже это означало потерю ориентиров. «Восточный блок пережил переломный переход в новые внутренние и внешние реальности. Последние отчасти ему уже были знакомы на

дистанции. Он тосковал по ним, в соответствии с тенденциями эпохи и общественным прогрессом. Между тем есть разница между простым знакомством и непосредственным переживанием» (Gall/Gäßler 2001, с. 52).

Однако же покой для нового гражданина объединенной Германии не наступил: едва он преодолел конфронтацию с первой сменой ценностей, как «попал в середину второй, все стремительнее меняющейся ценностной шкалы» (там же, с. 53), а именно в систему ценностей людей в старых федеральных землях, которые вынужденным образом также слегка были приведены в движение, поскольку к ним пришли события. Только, по наблюдениям Геслера из логотерапевтической и экзистенциально-аналитической перспективы, они практикуют смену ценностей очень проблематичным образом: как минимум отчасти она характеризуется «лишением духовного измерения», и с этим они перейдут к третьей, с налетом глобализации, смене ценностей.

С учетом предпосылок учения Франкля западногерманские граждане справляются со сменой ценностей неудовлетворительным образом. Наши восточноевропейские коллеги наложили его масштаб, мы на западе пока не можем ему соответствовать.

Достоин внимания то, что я упоминала несколько выше: учение Франкля дает наблюдателям, в данном случае восточногерманским наблюдателям западногерманской смены ценностей, в руки некий масштаб. Наблюдаемым, которые поначалу так бурно пытались затопить своих восточных земляков новыми ценностными представлениями, не так-то просто будет выбить его из рук наблюдателей, – это слишком основательный масштаб. Западники не смогут просто так скрыть не слишком лестные для них результаты измерений, – все слишком очевидно.

Восточногерманские жители требуют, держа в руках эти результаты:

«Затуманенный взор должен проясниться. За расшатыванием должна наступить стабилизация. Вопрос о смысле и зов совести касаются не только восточных, но и западных немцев. ... дух запада должен приложить большие усилия, чтобы переработать дух рассеянных иллюзий востока. ... Мы должны уяснить себе, что речь идет об общенемецкой проблематике, даже если по-разному ставятся акценты. Это может быть преодолено с успехом, только если и западногерманские люди по-новому зададутся вопросами о смысле бытия, о духовности, о свободе и ответственности и спросят самих себя об этом» (ср. Gall/Gäßler 2001, с. 46).